

Переписка Дильтея и Гуссерля

Экзистенциальные истоки феноменологии

За 10 лет до того, как Дильтей стал известен широкой философской общественности, с философией жизни как течением, ориентированным на формирование исторического мировоззрения, была начата важная полемика со стороны феноменологической философии.

1. “Философия как строгая наука”

В третьем номере незадолго до того основанного журнала “Логос” (1911 г.) вышла первая крупная публикация Гуссерля со времени “Логических исследований” – статья “Философия как строгая наука”, более известная специалистам под названием “Logos-Aufsatz”. Она была задумана, по выражению самого Гуссерля, как “популярный” материал для широкого круга читателей¹ и должна была представлять “общую характеристику” гуссерлевских намерений.

Свои воззрения Гуссерль представил в виде критики современных ему философских течений, обозначаемых им как “натурализм”, “психологизм” и “историцизм”. Замысел Гуссерля состоял в том, чтобы дать “диагноз” современной ему философской ситуации и предложить пути выхода из нее.

Статью, подготовленную для журнала “Логос”, не случайно называют “программной”. Гуссерль ставит перед собой задачу создания абсолютной, общезначимой науки, которая могла бы силой непоколебимой очевидности своих оснований стать фундаментом всей системы знания. По радикальности и решительности поставленной задачи философия Гуссерля стремилась занять особое место в системе наук. Это как нельзя более точно соответствовало особенностям Гуссерля как исследователя².

Свой идеал абсолютного знания Гуссерль подкрепляет анализом развития философии от ее истоков до современности.

Философия, по Гуссерлю, всегда стремилась к тому, чтобы быть строгой наукой. Однако даже самый поверхностный анализ обнаруживает отсутствие в философии некоего единого учения, возможность каждого утверждения быть оспоренным, а также показывает, что раз

нообразные позиции и воззрения являются, чаще всего, делом личного убеждения. Статуса “строгой” науки или даже “науки” вообще философия, по мнению Гуссерля, не достигла, что, однако, не должно означать “несовершенства” философии как таковой, но лишь показывать, что философия как наука “еще не началась”³.

Необходимо философское учение, которое после “громких предварительных работ поколений начинает снизу, с не подлежащего сомнению фундамента”⁴. Таким “философским учением” должна была, по-видимому, стать программа феноменологии, начатая Гуссерлем в “Логических исследованиях” (1900–1901)⁵.

Ориентация философии Дильтея на исторический характер человеческого существования и различных форм объективации жизни не могла не прийти в противоречие с гуссерлевским стремлением к абсолютной, не ограниченной временем и историей философии. Так, позиция Дильтея, охарактеризованная как “историцизм”, была подвергнута решительной критике. Помещая свою критику в более широкий исторический контекст, Гуссерль указывает сначала на Гегеля, упрекая того за “отсутствие (в его философии – *И.М.*) критики разума, которая только и делает возможной философскую научность”⁶. Гегельянство привело, по мысли Гуссерля, к некоторым негативным последствиям в развитии философии – “натурализму” как реакции естественных наук на философию Гегеля и “философии мировоззрений” (*Weltanschauungsphilosophie*), возникновение которой было обусловлено “превращением философии истории Гегеля в скептический историцизм” (*Historizismus*)⁷. Историцизм возник, по мнению Гуссерля, как следствие “открытия истории” и “становления новых наук о духе”⁸. И так же, как “естествоиспытатель склонен рассматривать все как “природу”, так и гуманитарий считает все “духом”, историческим образованием и в соответствии с этим искажает все, что не может рассматриваться как таковое”⁹.

Изложение взглядов Дильтея Гуссерлем не носит – до определенного момента – явно критического характера. “Всякое духовное образование ... имеет свою внутреннюю структуру, типичу, чудесное богатство внешних и внутренних форм, возникающих в потоке духовной жизни, которые затем преобразовываются и позволяют заметить в самом характере своего преобразования структурные и типические различия...” – Так начинает Гуссерль. – “Если посредством внутренней интуиции мы вживемся в <это> единство духовной жизни, то сможем почувствовать (*nachfühlen*) господствующие в нем мотивации, а вместе с тем и “понять” сущность и развитие конкретного духовного образования в его зависимости от духовных мотивов единства и

развития. Деятельность интуиции делает “понятым” и “объяснимым” все историческое в особенности его “бытия” ... Таким образом могут быть также интуитивно исследованы искусство, религия, обычаи, и т.п.”¹⁰. В итоге Гуссерль признает даже “великую задачу” исследования морфологической структуры различных культурных образований. Однако все это он не считает относящимся к философии. К тому же он усматривает в качестве неизбежного и опасного следствия такой “исторической установки” исследователя исторический релятивизм и следующий за ним скептицизм.

Когда Гуссерль выхватывает цитаты из нескольких первых абзацев вводного параграфа работы “Типы мировоззрения и их развитие в метафизических системах” (1910), ему кажется даже, что Дильтей *сам* делает вывод о неизбежности скептицизма: “Среди причин, которые каждый раз дают скептицизму новую пищу, одной из наиболее мощных является анархия философских систем”, – приводит он слова Дильтея¹¹. – “Однако более разрушительным, чем скептические выводы из противоположности человеческих мнений, оказывается сомнение, произрастающее из углубляющегося развития исторического сознания¹²”; “Учение о развитии, возникшее таким образом, необходимо связано с признанием относительности любой исторической формы жизни ... Так развитие исторического сознания разрушает веру в общезначимость каких-либо философий, пытающихся ... выразить связность мира связностью понятий, еще более основательно, чем рассмотрение противоречащих друг другу систем”¹³. Гуссерль согласен с “*фактической истинностью*”¹⁴ сказанного Дильтеем – история действительно находится на первый взгляд в противоречии с идеей вечности, абсолютности и общезначимости истины, идеи, знания, – но это только подтверждает его подозрения относительно пагубности исторического сознания.

По-видимому, замечания Дильтея, более риторические по своему характеру, имели своей целью скорее обрисовать всю связанную со становлением исторического воззрения на мир сложность ситуации. Тем не менее Гуссерлем они истолковываются как обоснование того, что объективная значимость любого рода невозможна. Дильтей в его глазах выступает тогда как апологет исторического (в гуссерлевской терминологии “историцистского”) релятивизма и скептицизма.

На следующих страницах Гуссерль опровергает эту точку зрения, выдвинутую, как он полагает, “историцистом” Дильтеем. “Как может историк судить об истинности определенной философской системы и тем более вообще о возможности некоей философской науки, значимой самой по себе?” – недоумевает Гуссерль, высказывая безуз

ловно верные, но касающиеся *не Дильтея* критические замечания¹⁵. В “Типах мировоззрения...”, буквально несколькими строчками ниже тех, что цитирует Гуссерль, Дильтей выражает надежду на то, что как раз “историческое сознание, которое проделало столь разрушительную работу по отношению к великим системам (философии – *И.М.*), должно помочь нам устранить резкое противоречие между существующей в каждой философской системе претензией на общезначимость и исторической анархией этих систем”¹⁶.

Следует, правда, признать, что в “Типах...” Дильтей не конкретизирует далее путей, на которых возможно позитивное решение вопроса об объективности (общезначимости) знания¹⁷. Но у Дильтея отсутствует и обоснование исторического скептицизма.

2. Переписка Дильтея и Гуссерля

В письме Гуссерлю от 29 июня 1911 г. (написанном за три месяца до смерти) Дильтей, заметно расстроенный резкой критикой своего коллеги, пытается доказать, что его позицию никоим образом нельзя назвать “историцизмом”, закономерное следствие которого Дильтей, так же, как и Гуссерль, усматривает в “скептицизме”. Обвинение в скептицизме построено “лишь на нескольких предложениях из Введения к моим “Типам””, – справедливо возражает Дильтей Гуссерлю, признавая и за собой некоторую долю вины, заключающуюся в недостаточной “развернутости” некоторых положений своей работы¹⁸.

Предположение Гуссерля о склонности философии Дильтея к скептицизму могло быть вызвано последним из цитированных им замечаний, где Дильтей говорит о разрушении веры в общезначимость философских систем, “которые попытались ... выразить связность мира посредством связности понятий”¹⁹. Для Гуссерля же мир *может и должен* быть “выражен” в понятиях – иначе невозможно общезначимое знание.

Однако в системе Дильтея часто повторяемая мысль о невозможности выразить “связность мира посредством связности понятий” никоим образом не имеет скептического оттенка²⁰.

Тезис Дильтея имеет главным образом *критическую* направленность. Под “связностью мира” (здесь следует помнить, что в центре интересов Дильтея находится главным образом *духовный* мир, способный выражать себя в различных формах) подразумевается прежде всего некая первичная связность, называемая Дильтеем *жизнью*. Жизнь *дана* как изначально не расчлененное “живое целое”. Если, далее, традиционная философия пытается определить первичное живое единство в системе понятий, то – в “Идеях...” Дильтей подробно это разъясняет²¹ – такого рода сис

тема соединяет свои элементы, произвольно выхваченные из живой взаимосвязи жизни, также посредством связи – но уже *иного* рода – “связности” гипотез. Таким образом конструируется новая рациональная система (“связность” – если пользоваться терминологией Дильтея). Но – и в этом заключается главное возражение Дильтея – “мы не в состоянии построить еще одну “связность” за пределами той, которая нам дана”²². Мы не в состоянии выйти в познании за пределы жизни.

Своими настойчивыми предостережениями относительно “познания посредством понятий” Дильтей стремится лишь предотвратить излишнюю поспешность выводов традиционной философии. Дильтей озабочен, таким образом, проблемой возможно более *адекватного* познания действительности – понимается ли им “действительность” как “живая историческая действительность” или как “живая реальность душевной жизни”.

Но озабоченность проблемой адекватного познания весьма далека от позиции скептицизма, отрицающего возможность подобного познания *как таковую*. Критика Гуссерля должна была быть скорее направлена против *того пути*, который Дильтей предлагает в “Идеях...” взامن традиционного.

В ответном письме от 5/6. VII. 1911 Гуссерль благодарит Дильтея за все разъяснения, которые, как пишет Гуссерль, “дороги и ценны для меня как решительно и четко очерченные выражения Вашего духа”. “Тщательно все взвесив, – добавляет Гуссерль, – я не хотел бы признавать границ (между своим и дильтеевским подходами, – *И.М.*), и мне на самом деле кажется, что серьезных различий между нами вообще не существует”²³.

Переписка оставляет двоякое впечатление: с одной стороны, Дильтей и в особенности Гуссерль пытаются найти нечто, что объединяет представляемые ими направления философской мысли. С другой стороны, разговор по-прежнему ведется на разных языках.

Взаимопонимания практически не достигнуто. “Положительных” итогов переписки как будто не существует.

Высказывания Гуссерля как в 1910–1911, так и в более поздние годы косвенно свидетельствуют о том, что позиция Дильтея осталась им не понятой. Гуссерль и позднее не отказывается от своего упрека в “историзме”.

Первым исследованием, посвященным разбору различий между системами Дильтея и Гуссерля, была книга Георга Миша “Философия жизни и феноменология”²⁴, для написания которой Миш даже отвлекся от главного труда, занимавшего его в то время²⁵.

Одним из главных различий в философии Дильтея и Гуссерля является понимание истории. “В то время как для Дильтея история – сущностно-важная обитель духовного мира человека, в которой тот реализует самоосмысление самого себя, для Гуссерля того периода история – состояние затуманенности идеи в своем явлении. Идея должна быть поэтому очищена феноменологией от всего, что является фактологически-историческим”²⁶.

Критика Гуссерлем Дильтея не должна вызывать удивления. До публикации “Логических исследований” Гуссерль не был знаком практически ни с одной работой Дильтея. Некоторым исключением были дильтеевские “Типы мировоззрения и их развитие в исторических системах”. Однако замысел “Типов...” в значительной мере предполагает знание работы, проведенной Дильтеем в “Идеях к описательной и аналитической психологии”.

Но к моменту публикации статьи в журнале “Логос” Гуссерль не читал и этой работы. Обвинения Гуссерля в адрес Дильтея основывались главным образом на резкой критике дильтеевской работы Германом Эббингаузом. Гуссерль признается в этом, правда, только в 1925 году, в лекциях по “Феноменологической психологии”²⁷, сожалея, что критика Эббингауза отвратила его от чтения Дильтея. Как говорит Гуссерль в этих лекциях далее, невосприимчивым к Дильтею сделало его и впечатление от работы “Введение в науки о духе” (1883 г.), влияние которой он оценивал как позитивистское. Усилия же Гуссерля того времени были направлены на опровержение позитивизма.

Сформулированная Дильтеем в 1883 году во “Введении...” позиция претерпела в последующих работах существенную трансформацию. Возможность конструктивного диалога между Гуссерлем и Дильтеем сохранялась вплоть до конца 1910 года. В конце ноября–начале декабря 1910 года Гуссерль получает от Дильтея авторский экземпляр последнего крупного труда своего старшего коллеги – книгу “Построение исторического мира в науках о духе”. Однако к тому времени написание статьи “Философия как строгая наука” было уже завершено, повода сомневаться в своих выводах и соответственно испытывать необходимость в дополнительном знакомстве с исследованиями Дильтея у Гуссерля не возникло. К Рождеству 1910 года материал для “Логоса” отдается в печать²⁸, где он выходит весной 1911 г.

Однако дискуссия, развернувшаяся на основе статьи Гуссерля “Философия как строгая наука”, была не первым актом в истории взаимоотношений обоих мыслителей. Когда появились “Логические исследования” Гуссерля, Дильтею оказался, вероятно, одним из первых, кому удалось распознать философскую значимость этого труда,

и был, несомненно, первым из философов старшего поколения, заявивших об этом публично. На общем заседании Королевской Прусской академии, состоявшемся 2 марта 1905 года, когда Дильтей представлял коллегам первую часть своих штудий к основоположению наук о духе, от него – по выражению Пфэндера – были услышаны слова “краткого, но впечатляющего и безоговорочного признания” в адрес сделанного Гуссерлем. Об этом периоде Гуссерль вспоминает позднее следующим образом: “Феноменология в “Логических исследованиях” была еще очень ограничена, я не был еще уверен в значимости метода, а также не имел ясного представления относительно универсальности сферы феноменов как предмета всеобщей науки. Зимой 1905–06 гг. произошел первый “синтез” между нашими с Дильтеем усилиями – в форме личных бесед во время моего визита к Дильтею. Поводом послужила информация одного из участников дильтеевского семинара ... что в зимнем семестре 1905–1906 гг. тот вел занятия по второму тому моих “Логических исследований”. На меня произвел неизгладимое впечатление тот факт, что Дильтей идентифицировал мою феноменологию с психологией наук о духе и связал с задачей своей жизни – основоположением гуманитарных наук. В Геттингене я тут же объявил занятия по наукам о природе и духе, и с тех пор соответствующие проблемы занимают меня больше всего, хотя из этого до сих пор ничего не опубликовано”²⁹.

Однако эти сдержанные слова признания Гуссерлем Дильтея были сказаны лишь в 20-х гг. Для рецепции идей Дильтея последующей философией оказалось существенным, что философия жизни была помещена в рамки жесткого противопоставления “философия мировоззрений – строго-научная философия” и с того момента необходимы были новые усилия, чтобы вывести ее за пределы этой антиномии.

Несмотря на очерченную нами разность философских подходов Дильтея и Гуссерля остается непроясненным следующий вопрос: почему именно Дильтею, который, как можно было бы (в соответствии с Гуссерлем) предположить, был наиболее отдален от феноменологической программы, сумел тем не менее первым по достоинству оценить ее революционный характер? Известно только, что Дильтей знал об исследованиях Гуссерля задолго до того, как последний познакомился с трудами своего старшего коллеги. История исканий Дильтея показывает, каким образом исследование по проблемам основоположения гуманитарных наук вывели его на позицию, несколько сходную с параллельно разрабатываемой в феноменологии.

С 1905 года Дильтей развивает категорию “выражения” как связующего звена между внутренней психической структурой и внешни

ми структурами социально-исторического мира. Примечательным образом толкование категории “выражение” обнаруживает свой параллелизм с “Логическими исследованиями” Гуссерля.

Дильтей следующим образом цитирует Гуссерля: “Мы полагаем себя прежде всего на почве психологического описания и, таким образом, конкретный феномен означающего выражения являет себя, с одной стороны, в физическом феномене, в котором выражение конституируется в соответствии с физической стороной и, с другой стороны, в акте, который основывает (на выражении) значение и, возможно, осуществление очевидности и в котором конституируется отношение к выраженной объективности”³⁰. Детальный и систематический разбор вопроса о феноменологичности исследований Дильтея и — в более широком плане — разрабатываемой им совместно с Йорком философии жизни должен стать темой отдельного исследования. Здесь важно указать по крайней мере на саму возможность такой постановки вопроса³¹.

¹ Ср.: письмо к Мишу от 3.08.1929 // *Husserliana, Dokumente. Bd. VI. Briefwechsel.* Dordrecht: Kluwer 1994. S. 275. — В дальнейшем цитируется как *Briefe* с указанием тома римскими цифрами и арабскими — страниц.

² “...Гуссерль обладал прямо-таки миссионерским сознанием, — отмечал лично знавший его Гадамер, — и вследствие того желал излечить всю человеческую культуру. В “Кризисе” это ясно видно. Однажды у нас с Гуссерлем был разговор, который это иллюстрирует. Я, конечно, интересовался многими мусическими искусствами и захотел однажды узнать, что думает тайный советник Гуссерль о современном искусстве (а то, что я считал тогда современным искусством, был экспрессионизм). Гуссерль ответил: “Ах, знаете, господин доктор, музыка доставляет мне огромную радость, я очень люблю поэзию, охотно хожу в театр или музеи, но трансцендентальное обоснование феноменологии не оставляет мне никакого времени заниматься еще и всеми этими вещами, которые я очень люблю”. *Gadamer H.-G. Zur Aktualität der Husserlischen Phänomenologie.* S. 165. См. также: *Husserl E. Philosophie als strenge Wissenschaft // Husserliana Bd. XXV. S. 7*, где Гуссерль связывает формирование строго-научной философии с “высшими интересами человеческой культуры”.

³ *Husserl E. Philosophie als strenge Wissenschaft // Husserliana, Bd. XXV. S. 4.* — В дальнейшем цитируется как *Philosophie*.

⁴ *Philosophie.* 6.

⁵ Временами используя “философию-как-строгую-науку” в качестве синонима к “феноменологии”, Гуссерль все же считал, что время “подлинной” (т.е. научной) философии еще не пришло — в этом смысле следует истолковывать однажды высказанное Гуссерлем сомнение относительно того, «сможет ли он прожить достаточ

но долго, чтобы когда-либо “стать философом”» (Цитируется по: *Schuhmann K.* Husserls Concept of Philosophy // JBSP. Vol. 21. № 3. October 1990. P. 279).

⁶ Philosophie. 7.

⁷ Ibidem.

⁸ Ibid. 8.

⁹ Ibidem.

¹⁰ Ibid. 42.

¹¹ *Dilthey W.* Typen der Weltanschauung und ihre Ausbildung in den Metaphysischen Systemen // GS VIII. 75.

¹² Ibid. 76.

¹³ *Dilthey W.* Typen der Weltanschauung und ihre Ausbildung in den Metaphysischen Systemen // GS VIII. 77–78.

¹⁴ *Гуссерль Э.* Философия как строгая наука // Эдмунд Гуссерль. Философия как строгая наука. (Переизданные переводы). Новочеркасск, 1994. С. 159. (Philosophie. 43).

¹⁵ Philosophie. 44.

¹⁶ *Dilthey W.* Typen der Weltanschauung. 78.

¹⁷ См., напр., работу: “Историческое сознание и мировоззрение” (*Das geschichtliche Bewußtsein und die Weltanschauungen* // GS VIII, S. 3–71), которая начинается с обрисовки той же “антиномии между претензией каждого воззрения на жизнь и мир на общезначимость и историческим сознанием”, вынесенной в подзаголовок, в которой Дильтей кратко (хотя весьма скупо и недостаточно) говорит о “пути решения” этой дилеммы (вторая глава, S. 7–9).

¹⁸ *Dilthey an Husserl*, 29.VI. 1911 // Briefe III, 44.

¹⁹ *Dilthey W.* Typen der Weltanschauung. 76.

²⁰ “Мы согласны в том, – пишет Дильтей Гуссерлю, – что, говоря в общем смысле, существует общезначимая теория знания. Мы, далее, согласны в том, что доступ к ней могут открыть лишь исследования, которые прояснят смысл обозначений, в которых эта теория нуждается; а также, что эти исследования необходимы для всех частей философии. В дальнейшем построении философии наши пути расходятся. Мне кажется невозможной метафизика, которая пытается выразить связность мира посредством связности понятий” – *Dilthey an Husserl*, 29.VI.1911 // Briefe VI, 43.

²¹ GS V, 148–149; 174–175; 193–194.

²² GS V, 194.

²³ Briefe III, 48.

²⁴ *Misch G.* Lebensphilosophie und Phänomenologie. Eine Auseinandersetzung der Dilthey'schen Richtung mit Heidegger und Husserl. Leipzig/Berlin, 1931.

²⁵ Подразумевается издание, вышедшее лишь совсем недавно: *Misch G.* Der Aufbau der Logik auf dem Boden der Philosophie des Lebens. Göttinger Vorlesungen über Logik und Einleitung in die Theorie des Wissens, Freiburg/München: Karl Alber, 1994, 592 S. По вышесказанному в устной форме мнению одного из основных специалистов по Хайдеггеру, Отто Пётгелера, этот фундаментальный труд Миша, если бы автор не предпочел тогда его завершению выступление более полемического характера (книгу “Философия жизни и феноменология”), мог бы быть сопоставим по своему влиянию на немецкую философию 20–30-х гг. с работой Хайдеггера “Бытие и время”.

- ²⁶ *Biemel W.* Einleitende Bemerkungen zum Briefwechsel Dilthey – Husserl // *Man and World*, August 1968, Vol 1; 3, P. 433.
- ²⁷ *Husserl E.* Phänomenologische Psychologie // *Husserliana*, Bd. IX. S. 34.
- ²⁸ *Husserl-Chronik. Denk- und Lebensweg Edmund Husserls //Husserliana. Dokumente*, Bd.I, 1991, S. 159.
- ²⁹ См. письмо к Манке от 26.XII.1927 // *Husserliana. Dokumente*, Bd. III. Briefwechsel: Teil 3 – Die Göttinger Schule, – Dordrecht, 1994. S. 459–460.
- ³⁰ **LU II**, 37.
- ³¹ Как известно, Дильтей рассматривал “Логические исследования” как работу, на которую он мог опираться в дальнейшем развитии своей психологии, используя развитие Гуссерлем новые возможности дескриптивного метода. См., напр.: *Hünemann P.* Der Durchbruch des geschichtlichen Denkens im 19. Jahrhundert. Freiburg/Basel/Wien: Herder. 1967. S. 225.